УДК 167.7; 364

© **Евгения Иванова**
Одеський національний політехнічний університет

СПЕЦИФИКА СИСТЕМНОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Обгрунтовується твердження про те, що науково-теоретичні передумови соціальної роботи як гуманітарного знання ще не склалися – головним чином, через відсутність опрацювання її методологічних основ. Пропонується використання параметричної теорії систем як однієї з таких основ.

Ключові слова: система, соціальна робота, права людини, загальна параметрична теорія систем.

В любом демократическом государстве социальная работа является непрерывно расширяющейся сферой общественной жизни. Современная социальная работа в широком смысле рассматривается как деятельность по защите прав человека, это нередко провозглашается ее миссией. В таком широком смысле о современной светской социальной работе можно сказать, что она является системой духовной и практической деятельности, концептом которой выступают представления о защите прав человека, понимаемых определенным образом в данное время. Поскольку общество предстает современному человеку прежде всего в лице государства, то и социальная работа воспринимается как первостепенная обязанность государства.

Действительно в Украине (и в других постсоветских странах) светская социальная работа – это прежде всего деятельность, осуществляемая государством на благо своих граждан; она включает в себя работу профильных учреждений – центров занятости, пенсионных фондов, медицинских, воспитательных, образовательных и других организаций. В тоже время государственная социальная работа пока малоэффективна, имеет множество недостатков. Причиной тому служит не только плохая организация социальной помощи (т.е. проблема структурного уровня), но и идеологические проблемы, связанные как с концептуальным уровнем, так и соструктурным и с субстратным аспектами.

В социальной работе, как и во многих других дисциплинах гуманитарной направленности, очень часто употребляется слово «система». Хотя такое использование не носит терминологического характера, при переходе как к конкретным технологиям, так и к общетеоретическим построениям социальному работнику трудно обойтись без системных представлений. При этом встает вопрос: какую из многочисленных концепций системных исследований использовать, какая из них наиболее адекватна научному анализу задач социальной работы. Как наиболее удобный инструмент для анализа социальной работы была выбрана общая параметрическая теория систем – ПТС [7; 8], так как в отличие от часто применяемых в этой сфере количественных и статистических методов, предполагает качественный подход.

Таким образом, назначение данной работы состоит в демонстрации возможности и необходимости адекватного применения системного подхода к анализу теоретико-методологических проблем социальной работы – как в рамках гуманитарной научной дисциплины, так и непосредственно в соответствующей практической деятельности.

Говоря о концептуальном уровне социальной работы, т.е. о философском осмыслении прав человека, все авторы обращают внимание на тесную связь этого принципа с идеей правового государства. А саму эту идею сближают с гуманистической позицией по отношению к человеку как наивысшей ценности. В таком русле формируется социальная работа в том виде, который мы наблюдаем сегодня не только в Украине, но и на общемировом уровне.

Если посмотреть на это с системной точки зрения, то просматривается тенденция к постепенному движению в сторону упрощения субстрата, то есть к уменьшению количества слоев в такой многослойной системе, какой является общество. А системообразующим отношением, принятом в качестве концепта, в данном случае оказывается отношение *отождествления*, без которого не добиться правовой однородности, когда граждане (именно в этом политико-правовом смысле) будут рассматриваться как однородные в данном отношении (тождество в смысле обладания правами) элементы. Все граждане равны перед законом, «закон один для всех».

С системным параметром субстратной гомогенности связан параметр автомодельности. Автомодельная система, это такая система, в которой каждый элемент обладает свойствами системы в целом и поэтому система в каждом своём элементе моделирует сама себя. В ПТС доказана такая теорема: «Любая автомодельная система является субстратно-гомогенной» [6,

с.51]. И хотя обратное не обязательно верно, можно предположить, что если мы исходим из того, что любой человек – представитель человечества и заслуживает социальной заботы, то принимаемая система социальной работы – гомогенна по субстрату.

А как обеспечить такого рода однородность, гомогенность субстрата? Ответы всегда носили дискуссионный характер и во все времена привлекали философов. Чаще всего права человека ставят в зависимость от типа государственного устройства. Почти для всех аналитиков неравенство правовых позиций человека свидетельствует об ограниченности политической свободы, отсутствии демократии, низком уровне правового сознания общества. И почти все отмечают, что далеко не все государства отвечают требованиям правового государства. Скорее даже наоборот – большинство государств или вовсе не признаются правовыми, или признаются правовыми не в полной мере.

В философском и политологическом смыслах становление и расширение прав человека связывают с распространением идей либерализма. Но при этом обращалось внимание на то, что сама по себе либеральная идея еще не обеспечивает правового государства. С другой стороны, наблюдаются и негативные последствия жизни в соответствии с либеральными принципами. В частности, принцип так называемых «равных стартовых возможностей», осуществляемый при полном невмешательстве со стороны государства, порождает расслоение общества, поскольку далеко не все люди обладают способностями и желанием участвовать в жесткой борьбе и конкуренции.

Поэтому следует принять во внимание то, что основой и фоном всякой цивилизации является религия, а персоноцентристская европейская цивилизация опирается на идею толерантности, как в смысле веротерпимости, так и в иных смыслах – расово-физиологическом, психологическом или этнокультурном. Иначе было бы невозможно распространение гуманистической идеи заботы о правах отдельного человека. «Права человека» стали для европейцев, образно говоря, светской религией. Данная этическая установка базируется на различных религиях, что позволяет говорить об общечеловеческой морали.

Не случайно те страны, в которых религиозная жизнь проявлена слабо, либо же традиция личной благотворительности была прервана (к таким, конечно, относится и Украина), не имеют больших религиозных ресурсов для создания собственной концепции социальной помощи, аналогичной идее прав человека. В то же время в нашем обществе у концепции «прав человека» нет и прочных философских оснований – она в готовом виде заимствуется из международных правовых документов. Поскольку эта концепция выросла не на собственной почве, она воспринимается общественным сознанием поверхностно и не выполняет своей главной функции – не стимулирует общественную деятельность, не формирует правового сознания и стремления к справедливости не только для себя, но и для другого.

Отсутствие интереса к защите собственных прав и свобод у многих, если не у большинства, граждан постсоветских государств отмечает и российский автор Игумен Вениамин (Новик): «Казалось бы, при таком низком уровне жизни, казнокрадстве и взяточничестве чиновников, всяческом “беспределе” у народа должен иметься повышенный интерес к правам человека (т.е. к своим собственным правам), как и вообще к соблюдению справедливости. Но этого не происходит. Кстати говоря, с таким же равнодушием народ взирает на экологическую проблему» [3]. В чем причина?

Среди самых основных причин сложившейся ситуации различные авторы (в их числе и украинские, и российские) обычно, называют безынициативность людей как результат жизни при тоталитарном строе; «коллективистский тип ментальности», для которого не свойственен персонализм и уважение к отдельной личности; восточный интровертированный тип духовности и т.д. В то же время, вопреки всем перечисленным причинам, идея ценности человека, его права на свободу и гуманное отношение, характерные прежде всего для европейской цивилизации, продолжает декларироваться на государственном уровне. Но в любом случае ситуация с правами человека рассматривается сквозь призму индивидуального или общественного сознания. Для европейского образа мышления естественным является то, что никто не может быть более заинтересованным в обеспечении прав человека, чем сами граждане. И только под контролем гражданского общества государство обеспечивает права человека.

Но для современной Украины более характерна ситуация, когда многие стороны жизни общества, включая социальную защиту и благотворительность, регулируется государством. Этот факт говорит о том, что общество фактически продолжает в значительной мере сохранять инерцию бывшей тоталитарной системы. Тоталитарную же систему автор параметрической

теории систем А.Уёмов определил как такую, в которой «любое отношение в субстрате определяется концептом системы» [6, с.50]; другие же отношения просто нивелируются.

Для тоталитарных обществ характерна почти абсолютная гомогенизация, проявляющаяся как внедрение “огородного” принципа, когда из одинаковых семян должны вырасти одинаковые растения. Если семена перемешаны, то их необходимо отсортировать, т.е. упорядочить. Именно так поступал И. Сталин, когда переселял целые народы, так поступают педагоги, когда организовывают распределение и обучение детей по классам по какому-то одному признаку – “гуманитарии”, “математики”, “естественники” либо, того хуже – “отличники”, “средние” и “отстающие”. Но общество не огород, и создание одинаковых “грядок” влечет за собой появление гомогенных и нежизнеспособных систем. В ПТС есть следующее определение субстратно-гомогенной системы: «Субстратно-гомогеной системой является такая система, в которой произвольное свойство какого-то объекта является свойством всех подсистем данной системы» [6, с.50].

Но может ли быть не гомогенизирующим, а каким-либо иным идеологический концепт, заданный государством, особенно унитарным?

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Казалось бы, что социальная работа, организуемая церковью, направлена исключительно на индивидуальную работу с людьми. Христианство, например, изначально содержало в себе ориентированное на личностное персоноцентристское начало. Однако и христианское понимание прав человека вовсе не чуждо реляционному представлению о социальной работе. Христианству также не чужда идея единства, а, значит, и отношение отождествления. Оно, говоря гегелевским языком, стремится к «единству многообразия». Как пишет Ф. Хайек, «индивидуализм, выросший из элементов христианства и античной философии, стал основным признаком западноевропейской цивилизации. Христианство преодолевает национальную ограниченность иудаизма, поскольку личное спасение уготовано не избранному народу, а избранной праведной личности независимо от ее принадлежности к какому-либо народу» [10, с.183]. Иначе говоря, в религиозной идее обеспечения прав человека также просматривается та же идея *равенства* – в частности, на основе известного новозаветного принципа «нет ни эллина, ни иудея».

Итак, системное представление общества с точки зрения политико-правового концепта и, как видим, в какой-то степени религиозного (относительно иных концептов это было бы неверно), представляет собой даже в условиях господства либеральной идеи, систему, гомогенную (однородную) по субстрату. Это предполагается принципом равенства граждан перед светским законом или перед законом Божьим. При этом стоит обратить внимание на отличие субстратной гомогенности/гетерогенности от однородности/разнородности функционирования системы или отдельных ее элементов. В такой системе права человека не могут быть обеспечены без соответствующей законодательной базы или морального кодекса, способных субстратно гомогенизировать социум.

Однако и в христианстве, и в реально осуществляемой социальной работе активно проявляется момент гетерогенного понимания объекта социальной работы. Атрибутивный системный параметр гетерогенности характеризует степень разнообразия в концепте, структуре или субстрате, к тому же это свойство линейное. На государственном уровне он находит выражение, например, в том, что едва ли не основной идеей современной демократии является защита прав меньшинств. Права не должны быть связаны с количественными характеристиками групп. В основе концепции прав человека (западной по своему происхождению) лежит не только идея равенства по отношению к закону, но и уважение к относительной автономии человеческой личности, к различию культурных и психологических интересов и предпочтений. Именно это различие и разнообразие, уважение к индивидуальному и признание непохожести должно обеспечивать защиту прав и свобод человека. А следствием неразличения гомогенизирующей и гетерогенизирующей идей был известный печальный опыт, когда в СССР была полностью «решена» проблема полового неравенства. На этом основании женщины наравне с мужчинами «заслужили» право укладывать асфальт, работать на лесоповале и выполнять другую тяжелую физическую работу.

По мнению Ф. Хайека, именно индивидуализм, выросший из элементов христианства и античной философии, разросся в западноевропейскую цивилизацию. «Основными чертами индивидуализма явились уважение к личности как таковой, т. е. признание абсолютного приоритета взглядов и пристрастий каждого человека в его собственной сфере деятельности, сколь бы узкой она ни была, а также убеждение в желательности развития индивидуальных дарований и наклонностей» [10, с.177–230].

Гетерогенность человеческого общества изначально предполагалась идеей гуманизма, которая также лежит в основе социальной работы наравне с идеей равенства граждан перед законом. О гуманизме невозможно вести речь, пока говорят «о тождественных друг другу людях». Он «индивидуален» по своей направленности и предполагает сочувствие и сострадание.

В христианских религиозных организациях, помимо гомогенизирующей идеи, используют, конечно, и гетерогенизирующую. Когда священник принимает благотворительную помощь или пожертвование от частного лица, всегда встает вопрос – жертвование его носит сострадательный характер, или это своего рода «откуп» и «замаливание грехов»?

Однако понятие гуманизма содержит не только элемент сострадания. К примеру, одно из современных определений гуманизма: «Гуманизм – система мировоззрения, основу которого составляет защита достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастье» [9].

Гуманисты еще в эпоху Возрождения утверждали как раз духовную свободу человека, его неповторимость и его способность к нравственному самосовершенствованию. В эпоху Просвещения с ее культом разума, свободы, индивидуализма и личной инициативы гуманизм первоначально воспринимался уж совсем как не противоположность равенству граждан перед законом. Однако со временем эта идея наполнилась другим содержанием. Не случайно ведь сначала социалисты-утописты, а затем марксизм возвращали мысль о гуманизме к идее социального равенства на основе отмены частной собственности, а значит, к указанному реляционному представлению о социуме. Более того, русские революционные демократы, как и марксизм, предполагали осуществлять такой возврат даже насильственным путем.

Нельзя сказать, что теперь, после неудач реализации марксистских проектов реорганизации общества, проблемы гуманизма нашли благополучное разрешение. Об этом свидетельствуют неутихающие во всем мире требования гуманизировать науку, образование, политическую жизнь; это подтверждается и различными антисциентистскими концепциями в культуре. Недостаток гуманности ощущается как болезнь современного общества.

Достигнута ли ясность в определении понятия гуманизма? Пожалуй, нет. Зато отрицательное определение – ответ на вопрос о том, что является антигуманным – не представляется проблемой. В этой связи Т.Адорно отмечает: «Мы можем не знать, что такое абсолютное благо, что такое абсолютная норма, мы можем даже не знать, что такое человек, человеческое или гуманность, но что такое нечеловеческое, мы знаем слишком хорошо» [1, с.88]. Поэтому сегодня общества, не способные в силу тех или иных причин принять концепцию прав человека как основу своей жизнедеятельности, объявляются попросту бесчеловечными.

То в связи с этим, Т.Адорно в качестве главной движущей силы, пробуждающей социальные инициативы, предлагает движение именно по «негативному» пути: «…Сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен самостоятельно жить правильно… И даже более того: мир, устроен теперь так, что даже простое требование честности, порядочности неизбежно вызывает у человека чувство протеста. … Единственное, о чем, по-видимому, можно определенно говорить, так это о том, что правильная жизнь возможна сегодня, прежде всего в виде сопротивления разгадываемым прогрессирующим сознанием и критически разоблачаемым им формам неправильной жизни. Ничего иного, кроме такого негативного подхода, на самом деле просто не дано» [1, с.57–59].

Таким образом, наблюдается противопоставление гомогенизирующей и гетерогенизирующей идей. В социальной работе данная несопоставимость не могла не найти своего отражения. В частности, это проявилось в разнообразии концепций социальной работы, из которых далеко не все совместимы друг с другом в рамках одной теоретической дисциплины.

Пытаясь как-то примирить «гомогенизирущую» и «гетерогенизирующую» идеи, социальное и индивидуальное начало, европейские философы чаще всего шли экстенсиональным путем – говорили о степенях и «количестве» свободы, допустимой для отдельных граждан. В таком духе можно истолковать, например, еще Платона, когда, рассуждая о парадоксе свободы, он писал: «…Чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством» [4, с.352]. А Аристотель, говоря о человеческой природе, писал: «Быть в некоторой зависимости от других и не иметь возможности делать все, что тебе заблагорассудится, – дело полезное, ведь предоставление каждому возможности поступать по его желанию не может оберегать против того дурного, что заложено в каждом человеке» [2, с.653]. Какие именно и сколько таких ограничений на свободу необходимо наложить – этот вопрос предполагалось решать, по-видимому, эмпирически и интуитивно.

Другие философы вообще стремятся вовсе отвернуться от гомогенизурующей идеи. Так, Адорно отмечает, что в современном мире аристотелевское понятие справедливости якобы давно потускнело, хотя Аристотель и оговаривается, что действовать следует не только на основании закона, но и учитывая конкретных людей и специфику тех или иных обстоятельств. Для И. Канта, по мнению Адорно, такая позиция означает гетерономию, и поэтому лишь последовательность в нравственном поведении достойна философа. «Справедливость» же по Канту – нечто крайне непоследовательное [1], она мертва без опоры не мораль.

И до сих пор среди социальных деятелей существует мнение, что вся благотворительность должна основываться исключительно на сострадании, и ни в коем случае не должна носить директивного характера. Потому что, как представляется, любые правила и предписания в этой сфере являются попросту аморальными. За этой позицией стоит соображение о том, что если права человека не получают свою силу из морали, религии или природы. То на каком же основании мы можем сказать, что эти права должны соблюдаться?

На самом-то деле права человека, которые сегодня выступают предметом многочисленных споров, имеют значительное отличие от морали. Подобно этике, права человека являются универсальными, но в ином смысле. Этика выдвигает требования для всех индивидов как таковых. Но права человека являются политическими требованиями. Сказать, что права человека не являются этическими принципами, не означает сказать, что они безразличны к этике; это следует понимать так, что права человека не являются *основанными* на этике. В современном мире права человека «…представляют отдельный вид практических обязательств, возможных только в пределах специфического мира» [12]. И эти практические обязательства требуют рационального подхода для их осуществления.

Однако системная точка зрения на саму проблему гомогенизации/гетерогенизации предлагает свое решение. На первый взгляд кажется, что столь различное понимание прав человека – политико-правовое (и частично религиозно-культурное), с одной стороны, и гуманистическое – с другой, несовместимы. В самом деле, на одном и том же субстрате (гражданах) реализуются разные системные представления – с разной структурой, и, соответственно, с разными концептами. В предполагаемой единой концепции социальной работы должен был бы осуществиться синтез этих систем в единой идее обеспечения прав человека, пригодной для практической реализации. Однако синтез систем с разными концептами невозможен.

В работе «Понятие системного синтеза и проблема реальности» [5, с.37–43] авторы показали, что синтез – это такое соединение систем, в результате которого образуется новая система, отличная от синтезируемых по структуре и элементам (или по одному из этих признаков). Единственным обстоятельством, ограничивающим данный синтез, является требование, как к интегрируемым, так и к полученной новой системе, быть системами в одном и том же смысле. «Иначе говоря, не могут быть подвержены операции синтеза, например, мотоцикл и аристотелевский сорит до тех пор, пока под первым будет иметься в виду двухколесный механический экипаж с мотором, служащий средством передвижения, а под вторым – вид сложного силлогизма. Однако мотоцикл и сорит могут быть подвергнуты мысленному синтезу, если будут рассмотрены в качестве вещей одного и того же плана – например, с точки зрения принятого в кибернетике понятия «черного ящика»» [5, с.37].

Таким образом, если синтез разных представлений об обеспечении прав человека невозможен, то ставится под вопрос и возможность единой теоретической базы для социальной работы: социальная работа тогда должна проводиться не на единой основе, а двумя расходящимися путями. Однако на самом деле не все так бесперспективно.

Выше мы говорили, что социально-правовое и в какой-то степени церковное представление о системе социальной работы строятся по *реляционному* системному представлению: изначально предполагается отношение равенства людей перед светским или божьим законом, которое требует видеть общность людей как просто людей или как граждан, несмотря на естественные различия. Однако принцип гуманизма предпосылается социальной работе в виде *атрибутивного* концепта: быть гуманным – значит искать *разные*, в каждом случае особые, отношения к людям как несхожим индивидам.

Эти два различных системных представления о социальной работе позволяют не ставить вопроса о синтезе этих систем. В самом деле, согласно ПТС [8, с.88–89] в данном случае мы имеем дело, во-первых, с *двойственными* понятиями о предмете социальной

работы. Принцип двойственности сводится к тому, что определение – свойства как отношения и отношения как свойства – двойственны по отношению друг к другу, т.е. следуют друг из друга путем замены термина «свойство» термином «отношение» и наоборот. Причем «Принцип двойственности, истинный для пар категорий «свойство – отношение» и «вещь» – «свойство», не подходит к паре «вещь» – «отношение»» [8, с.228].

Но если мы представим основания двух представлений о социальной работе в виде максим, то получим требования с двойственным смыслом: 1) Разные люди требуют к себе одинаково равного отношения, так как все они – люди; 2) Люди разные уже от рождения, и отношение к каждому из них не должно быть одинаковым, а только уникальным.

Во-вторых, два определения «системы» не только двойственны, но и дополнительны, что выражается в комплементарности двойственных системных представлений: «…они и исключают друг друга, не могут осуществляться одновременно, и предполагают друг друга по принципу двойственности; они отображают структуру объекта, понимаемую различным (несовместимым) образом; каждое из них оставляет неопределенными какие-то характеристики описываемого субстрата» [11, с.132] – либо свойства, при атрибутивном определении, либо отношение, когда применяется реляционное определение.

Таким образом, сказанное позволяет придти к следующим заключениям.

Предмет социальной работы является двойственным. Два двойственных понятия социальной работы на самом деле не исключают друг друга, а, напротив, предполагают, поскольку дополнительны их системные представления.

Системный подход, основанный на параметрической теории систем, оказывается продуктивным на этапе как определения ее предмета, так и на этапе разбора конкретных проблем, круг которых постоянно расширяется. Он позволяет кардинально изменить угол зрения, под которым эти проблемы обычно рассматриваются, и дает надежду на создание в перспективе общей теоретико-системной концепции социальной работы, как специфического вида гуманитарного знания.

Литература

1.Адорно Т. В. Проблемы философии морали /Т.В.Адорно. – М.: Республика, 2000. – 238 с.

2.Аристотель Политика /Аристотель: [соч. в 4-х т.]. – М.: Мысль, 1983. – Т.4. – 832 с.

3.Новик В. Н. (игумен Вениамин) Духовная основа права [Электронний ресурс] /В.Н.Новик. – Режим доступа: http://veniamin.spb.ru/text/t6.htm

4.Платон Государство /Платон: [соч. в 4-х т.]. – М.: Мысль, 1994. – Т.3. – 656 с.

5.Понятие системного синтеза и проблема реальности /[Уёмов А. И., Могиленко А. Р., Оганисян М. С., Цофнас А. Ю.] //Труды Томского государственного университета: Проблемы методологии и логики наук. – Томск: Изд. ТГУ, 1974.– Вып.7.– С.37-43.

6.Уёмов А. И. Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем /А.И.Уёмов //Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С.37-52.

7.Уемов А. И. Общая теория систем для гуманитариев /А.И.Уемов, И.Н.Сараева, А.Ю.Цофнас. – Варшава: «Universitas Rediviva», 2001. – 276 с.

8.Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем /А.И.Уемов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

9.Философия: энциклопедический словарь /[под ред. А. А. Ивина]. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

10.Хайек Ф. А. фон, Дорога к рабству /Ф. А.фон Хайек; [пер. с англ., предисл. Н. Я. Петракова]. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.

11.Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания /А.Ю.Цофнас. – Одесса: АстроПринт, 1999. – 308 с.

12.Peterson Richard T. The Possibility of Human Rights [Электронний ресурс] /Richard T. Peterson – Режим доступа: http://www.ephilosopher.com/page.php?22

Summary

Ivanova Y. Specificity of the System Concept of Social Work as the Humanities. Social work is important aspect of modern culture. Many authors talk of the need to systemic approach to social work, but the scientific and theoretical foundations of social work as the humanities have not yet developed – mainly because of lack of study of its methodological foundations. The article proposes the use of parametric systems theory as one of such grounds. Keywords: system, social work, human rights, parametric general systems theory.